

ПОДКИДЫШЪ.

—

— Не плачь, Аннушка; не ломай рукъ, Анна Алексѣевна, сдѣлай милость, пожалуйста, ну что безъ пути себя убивать; Богъ милостивъ, Господь не оставитъ насъ, право не оставитъ. Ну послушай же меня, Анна Алексѣевна: ну видано, слыхано ли гдѣ на Руси, чтобъ люди съ голоду пропадали? Такъ—ли, сякъ—ли, пробьемся. Вотъ и начальникъ, глядя на бѣдность мою (при этомъ Семень Ивановичъ оглянулся на локти свои) обѣщаль маленькое награжденіе. Ну, бѣдность наша — конечно бѣдность; да вѣдь Богъ—то милостивъ, не дастъ пропасть...

— Наказаль онъ насъ по грѣхамъ нашимъ, продолжала плакать слабымъ голосомъ бѣдная роженица, жена губернскаго секретаря, служащаго въ столѣ по счетной части: — куда мы съ ними дѣнемся? Семеро было, маль—мала—меньше и тѣ ходили голодные и холодные; а теперь,

двое разомъ... Господи, Создатель мой милосердый!

Семень Ивановичъ, служившій, какъ мы сказали, въ столѣ по счетной части, но недошедшій еще до крайняго и высшаго предмета страстныхъ своихъ надеждъ — до штатной должности, былъ бѣднякъ, какъ говорится, убитый судьбою, котораго бѣда и горе постоянно преслѣдовали по пятамъ. Сколько онъ себя помнилъ, всегда онъ либо переводилъ духъ послѣ недавняго несчастія, либо стоялъ, растопыривъ всѣ десять пальцевъ, сраженный неожиданною неудачей, либо не досыпалъ и не доѣдалъ, ожидая неминучаго удара. Къ этому онъ дотога привыкъ, что лицо его разъ навсегда приняло выраженіе испуга и недоумѣнія, и такъ ходилъ онъ по праздникамъ и по буднямъ и съ этимъ же лицомъ постоянно въ восемь часовъ утра являлся къ должности. Если какія-нибудь необычайныя обстоятельства вызывали улыбку на этомъ, залубенѣвшемъ подъ вліяніемъ изумленія и страха лицѣ, то она дотога не шла къ нему, что казалось будто

на столь знакомомъ лицѣ Семена Ивановича какимъ-то подлогомъ поселилась улыбка чужая. Знали ли вы такихъ тружениковъ бумажнаго производства, или вѣрнѣе истребленія, такихъ жертвъ письменнаго порядка, или безпорядка, у которыхъ вся совокупность умственныхъ способностей вмѣсто того, чтобъ выходить изъ головы раструбомъ наружу, для объема всего, что человекъ окружаетъ, всего, что доступно уму и чувствамъ его, принимаетъ видъ обратный, съ обращеніемъ раструба внутрь, а узкой и тѣсной вершиной наружу, на одинъ только предметъ — на лежащую передъ очкомъ этимъ бумажку или счетъ? Все, что расположено внѣ этого тѣснаго круга зрѣнія, внѣ очка, эти люди не видятъ и видѣть не могутъ, какъ мы не видимъ того, что дѣлается въ противномъ полушаріи. Весь міръ для нихъ усохъ въ одинъ комочекъ, въ одну засушенку, и во время вдохновенія и самаго смѣлаго полета воображенія, онъ развивается на пространствѣ графленнаго листа бумаги. Что

туть не умѣщается, того нѣтъ и не бываетъ и о томъ не можетъ быть рѣчи.

Таковъ былъ Семень Ивановичъ. Нѣтъ для него рѣчей, кромѣ входящихъ въ составъ приходныхъ и расходныхъ статей и срочныхъ, разнаго именованія, отчетовъ; нѣтъ для него никакого различія въ повышеніи и пониженіи голоса, въ способѣ выраженія, какъ различія по отношеніямъ степеней началія и подчиненности; нѣтъ звуковъ, не только музыки, кромѣ брякотни счетовъ. Онъ исписаль, кромѣ всѣхъ форменныхъ счетовъ и отчетовъ, толстую тетрадь объяснительными цифрами и замѣчаніями, съ отмѣтками гдѣ карандашомъ, гдѣ красными чернилами, на случай смерти, какъ онъ объяснилъ ближайшему товарищу своему, чтобъ преемникъ его ни въ чемъ не затруднился и чтобъ не палъ на Семена Ивановича укоръ, будто онъ покинулъ дѣла свои въ безпорядкѣ. Это было какое-то служебное духовное завѣщаніе. Кромѣ этихъ служебныхъ отношеній, Семень Ивановичъ зналъ одни только домашнія: здѣсь нужда и

бѣдность, одолевая его на каждомъ шагу, заглушали почти всѣ иныя чувства, впечатлѣнія и взаимныя сообщенія; жена и семеро дѣтей — легко сказать, а кормить, одѣвать и обувать ихъ куда какъ тяжело! Анна Алексѣевна, дочь того жъ чиновника, въ молодости своей правда что помотала порядкомъ (сколько можно мотать изъ ста рублей въ годъ), но теперь ужъ давно выстрадала эти грѣхи молодости. И она, какъ прочія, искала все счастье жизни въ шелковомъ салопѣ, въ бархатной шляпкѣ, въ цвѣткахъ, лентахъ и перьяхъ; и ей казалось, въ свое время, что безъ обѣда сидѣть не только можно, но и должно въ послѣднюю четверть cadaго мѣсяца, въ—ожиданіи жалованья; но что жить безъ бурнуса, мантона, мантильи или какъ весь хламъ этотъ именуется, нельзя, а остается тогда только сидѣть дома и выть передъ мужемъ, покуда не добудетъ онъ такого тряпья, какого навѣсили на себя другія. Но все это давно прошло, какъ сонъ; бѣдность и какая—то искра здраваго разсудка и самостоятельности, запавшая какъ

священные останки въ душу ея, постепенно заставили ее очнуться и осѣсться. Конечно, и она, какъ прочія, и понынѣ не умѣла подать семьѣ своей никакой болѣе помощи въ положеніи этомъ, какъ ту, чтобъ водить ее въ грязи и отрепьяхъ, да жить завтрашнимъ днемъ, а не вчерашнимъ, то— есть брать впередъ жалованья, сколько можно выпросить у казначея, и брать въ долгъ припасы, сколько дадутъ во всѣхъ сосѣднихъ лавочкахъ. Но что жъ дѣлать, коли она лучшаго не знала, не видѣла и придумать не умѣла; за то на себя она ужъ не тратила ничего. Не будучи самовластною, она однакожъ привыкла управлять мужемъ и домомъ неограниченно, какъ потому, что мужа почти весь день не было дома, такъ и по отсутствію всякой самостоятельности въ немъ и исключительной способности по счетамъ и отчетамъ по службѣ. Занятый день и ночь, во снѣ и на яву однимъ только этимъ, онъ сегодня въ половинѣ восьмага утра отправился, ничего не зная и не чая, на службу; а воротившись оттуда къ обѣду

домой, встрѣченъ былъ вѣстью, что въ отсутствіе его Богъ далъ двойней... Постоянно удивленное лицо его усвоило себѣ внезапно еще какую-то улыбку испуга и изумленія, а глаза какъ бы застыли въ томъ положеніи, какъ застала ихъ въ-расплохъ эта нечаянная вѣсть... Озадаченный подаркомъ этимъ, онъ старался утѣшить Анну Алексѣевну только словами, а въ головѣ и на сердцѣ у него было — не знаю что, такая пустота, такой холодъ, такой страхъ, что этого нельзя описать словами. Онъ и не замѣчалъ, что утѣшительныя рѣчи его вовсе не шли къ отчаянному, растерянному виду и всей наружности его. Онъ говорилъ: «Богъ милостивъ, Богъ поможетъ», а самъ похожъ былъ на человѣка, готоваго сейчасъ утопиться или удавиться. Онъ стоялъ передъ страдалицей, какъ пришелъ, въ крѣпко-заношенномъ вицмундиришкѣ, выпучивъ глаза, стиснувъ губы, опустивъ неловко голову, будто она была свихнута, и волосъ, казалось, подымался на ней дыбомъ; растопыривъ всѣ десять пальцевъ,

онъ, съ какимъ-то тупымъ участіемъ, почти похожій на посторонняго зрителя, смотрѣль на все, что вокругъ дѣлалось; переворотъ, происшедшій такъ внезапно въ бѣдномъ жильѣ его во время отсутствія его на службѣ, перевернулъ весь жилой уголокъ его вверхъ дномъ; принадлежности разнаго рода, необходимыя при такомъ чрезвычайномъ случаѣ, или бывшія тутъ и тамъ помѣхою и сунутыя на скорую руку куда ни попало, лежали ворохами въ комнатѣ, а комната эта была у него однимъ-одна, только перегороджена ветхими бумажными ширмами пополамъ; ребятишки всѣхъ величинъ и размѣровъ, всѣ погодки, визжали, пищали и ревѣли на ворохахъ этихъ и подъ ворохами; на что ни взгляни — все грязь и лохмотья. Добрая пріятельница, сосѣдка, принявшая, изъ состраданія, на это тяжкое время хозяйство (разумѣется, что прислуги тутъ никакой не было) управлялась кой-около чего, а озадаченный отецъ, истощивъ въ немногихъ словахъ все свое краснорѣчіе утѣшенія, уставилъ мутные глаза на то мѣсто постели,

гдѣ, рядомъ съ роженицею, что-то накрыто было лохмотьями... Онъ не рѣшался приподнять уголь завѣтнаго лоскута, будто страшась убѣдиться своими глазами въ Божьей милости — какъ поселяне наши называютъ двѣ довольно противоположныя вещи: «дѣтей или урожай и пожаръ отъ грозы».

Для бѣдняка Семена Ивановича это, кажется, была Божья милость въ родѣ послѣдней, то-есть крестъ и искушеніе. Онъ былъ пораженъ этимъ случаемъ неменѣе того, какъ еслибъ, пришедъ со службы, нашель, вмѣсто жилья своего, одно только пепелище. Хорошая сосѣдка вмѣшалась въ бесѣду или разноголосицу супруговъ и разсудила, что Семень Ивановичъ и точно правъ и Бога гнѣвить грѣшно: Господь милостивъ, коли своего старанія приложить, такъ все исправить. Сужденіе это подкрѣплено было приличными примѣрами.

Семень Ивановичъ почесался за ухомъ — значить пришелъ въ себя, опомнился маленько, но, не отводя

мутныхъ глазъ своихъ отъ покрытой лохмотьями кучки на постели, подумаль про-себя: «Господь старанья приложить, поправить — прибереть, стало-быть, по милосердію своему, конечно, двойни не жильцы, не живучи... да и то не знаю, какъ и чѣмъ похоронить, безъ расходовъ все нельзя...» Лицо его начинало опять принимать прежнюю, отчаянную складку и голова стала топорщиться полой щеткой... «а крестины?» Испугавшись этого двойнаго, непосильнаго расхода, онъ, будто вдругъ проснувшись, потеръ лобъ и, чтобъ разсѣять себя, спросилъ: «Не хочешь ли чего, Анна Алексѣевна, селѣдочки или шалфейцу напитокя? У меня вѣдь, вотъ видишь, и гривенничекъ и мѣдныхъ немножко есть... сходить?»

Анна Алексѣевна какъ-то значительно покачала головой и отвернулась молча въ другую сторону. Опять Семень Ивановичъ остался въ недоумѣніи и опять выручила его сосѣдка. Покончивъ дѣла свои, она объявила, что надо ей теперь идти домой, а Семену Ивановичу оставаться при

роженицѣ до утра, пославъ записку въ палату, что онъ нездоровъ, съ тѣмъ, чтобъ отдохнуть днемъ; а съ утра она опять придетъ ихъ провѣдать. На все это онъ согласился безпрекословно, замѣтивъ только, что онъ больнымъ сказываться не станетъ, а ужъ развѣ прямо напишетъ, по правдѣ, какое случилось несчастье, хотѣль—было онъ прибавить, но опомнился и поправился: какую то—есть Богъ далъ радость, выговоривъ, однакожь, послѣднее слово съ такимъ тяжелымъ вздохомъ, что радость эта отзывалась горькимъ горемъ.

Супруги остались одни. Нѣсколько времени слышались только шаги Семена Ивановича, прибиравшаго кой—что, да вздохи и стоны роженицы, не столько отъ боли, какъ по безвыходности бѣдственнаго положенія семьи; затѣмъ два прибылые нахлѣбничка стали повизгивать, чередуясь, будто перекликаясь и перекоряясь въ—запуски. Семень Ивановичъ присѣлъ и, сложивъ руки, сталъ прислушиваться къ этому двоегласію. «У одного погуще голосокъ» сказалъ онъ тихонько,

«побасистѣе, и какъ будто этакъ — одинъ выносить, а другой подхватываетъ...»

— Что жъ ты, долго этакъ сидѣть будешь да вслушиваться? спросила Анна Алексѣевна: — бери, да дѣвай куда хочешь, твои вѣдь!

— Помилуй, матушка, куда же мнѣ-то дѣть ихъ? мои, вѣстимо что наши, и твоихъ черевъ урывочекъ...

— Нѣтъ, твои, твои! Я что съ ними дѣлать стану? кормилицу что ли найму? корову купимъ? и одного-то кормить, такъ чай напередъ самой поѣсть надо... Бери, бери, неси куда знаешь!

Семень Ивановичъ подошелъ вплотъ къ кровати, опѣшавъ до послѣдней степени; онъ не зналъ что и говорить. — Помилуй, помилуй, Анна Алексѣевна, я то-есть лягу, пожалуй, я къ себѣ ихъ положу, а вы отдохните...

— Куда ты ихъ къ себѣ положишь? Бредишь что ли? Ты опомнись, встряхни голову: — вонъ, семеро по угламъ лежать, и тѣ почитай не ѣвши уснули, а тутъ еще двое? Богъ съ тобою, голодомъ да

холодомъ не вспоишь, не вскормишь никого; наготы да босоты у насъ и безъ нихъ вдоволь. — Бери, да неси куда знаешь.

— Куда знаешь, куда знаешь, повторилъ онъ. — Помилуй, Богъ милостивъ, все найдется, то—есть все пройдетъ, дастъ Богъ, благополучно; вы не робѣйте только...

Но бесѣда эта, несмотря на такую увѣренность Семена Ивановича въ Божьей милости и помощи, кончилась тѣмъ, что ужъ онъ сталъ только отпрашиваться выждать ночи, потому—что днемъ нельзя же нести куда—нибудь подъ порогъ ребенка. Привыкнувъ въ домашнемъ быту во всемъ подчиняться Аннѣ Алексѣевнѣ, Семень Ивановичъ, при растерянномъ соображеніи своемъ, тупо и безсознательно подчинился отчаянному требованію ея и, повѣсивъ носъ, замолчалъ. Онъ сдѣлалъ—было еще попытку отстоять хоть одного изъ двойней, но когда Анна Алексѣевна положительно повторила, «обоихъ, обоихъ» то онъ и тутъ опять выговорилъ себѣ только ту льготу, чтобъ разнести ихъ порознь, а не обоихъ за

одинъ разъ, потому, говорилъ бѣднякъ, что съ двумя никакъ не сообразишься.

Сошедшись на этомъ, чета наша бесѣдовала и совѣтовалась о томъ, куда нести ребятъ, а наконецъ согласились и въ этомъ: одного къ откупщику, другаго къ купцу Лизунову. Къ откупщику потому, что у этихъ—де людей денегъ пропасть, не считаютъ счетомъ, а гарнцами пересыпаютъ — и Семень Ивановичъ самъ ужаснулся картинѣ этой, когда выговорилъ такія слова, и растопырилъ пальцы; къ Лизунову потому, что онъ бездѣтенъ, а человекъ съ достаткомъ, и жена его женщина добросердая и богомольная; скучая безъ дѣтокъ, она не разъ уже развозила вклады по церквамъ и монастырямъ, вымаливая Божьяго благословенія.

Ночь настала; ребяташки всѣ давно поснули, гдѣ кто растянулся или свернулся; свѣчи и не зажигали, а лампадка подъ кивотцемъ тускло просвѣчивала въ цвѣтное стеклышко. Эти цвѣтныя *насадочки* на лампадку, которыя Семень Ивановичъ

также называлъ *колѣнцами*, составляли всю утѣху и развлеченіе домашняго вечера его; на эту роскошь онъ позволилъ себѣ исподволь поистратиться и передъ молитвою перемѣнялъ шкалики всѣхъ цвѣтовъ и любовался ими, или наставлялъ одинъ цвѣтъ другимъ, для чего и были у него шкалики съ искусно-отрѣзанными донцами. Эту продѣлку производилъ онъ самъ, по табельнымъ днямъ, посредствомъ зажигаемой на шкаликѣ сѣрной нитки.

Пужинавъ въ углу тюрьки, то-есть хлѣбца съ кваскомъ, и приправляя трапезу свою отрывочнымъ разговоромъ о томъ, какую онъ хорошую рѣдью видѣлъ сегодня на базарѣ, когда шелъ отъ должности, онъ перекрестился и сталъ какъ-то тревожно ощупывать, чувствуя, что отчаянный часъ для него насталъ. Анна Алексѣевна проговорила:

— Что жъ, пора тебѣ, собирайся.

Бѣднякъ такъ перетревожился, что лицо его пришло почти въ такой же безобразный видъ, какъ при первой встрѣчѣ нежданнаго Божьяго благословенія.

— А вотъ — охъ, Анна Алексѣевна — а вотъ сейчасъ — не знаю, не грѣшно ли будетъ?

— Какое тутъ раздумье, завопила Анна Алексѣевна въ досадѣ и изнеможеніи: — бери, говорятъ тебѣ, да неси.

— Ну, благослови Богъ, прости насъ грѣшныхъ, прости — да котораго же?.. да они у тебя...

Теперь только Семень Ивановичъ вспомнилъ, что онъ, за испугомъ и недосугомъ, не спросилъ еще *что Богъ далъ*.

— Да они у тебя, тово, началъ онъ было опять, но мать поняла его и перебила:

— Не у меня, а у тебя, оба въ тебя, мальчишки. Бери любаго напередъ. Все—равно. Неси, неси, я ужъ благословила.

На дворѣ стало темно, словно въ дубинкѣ, но тепло и тихо. Крадется кто—то подъ заборами, закутанный въ шинелишку — хоть и несовсѣмъ было по погодѣ такъ тепло одѣваться — и, дошедъ до перекрестка, остановился, будто робѣя перейти поперегъ улицу. И темно и

безлюдно и ставеньки всѣ приперты, а все чудится, что кто-нибудь увидить. Въ сторонѣ слышался одинокій стукъ колесъ и прохожій робко бросился назадъ, будто ему, съ ношею подъ-мышкой, безопаснѣе было идти по одному направленію, чѣмъ по другому. Опять все затихло. Только-что пѣшеходъ хотѣлъ-было выступить изъ-за угла, какъ неугомонный хозяинъ, оберегая полуразрушенный домишко свой отъ воровъ и пожара, ударилъ посошкомъ въ ворота и звучная, рѣзкая дробь на-время огласила окрестность. Этотъ случай до крайности напугалъ нашего бѣдняка: ему померещилось, что бьютъ въ набать, что вотъ сейчасъ весь городишко сбѣжится вокругъ него и преступная тайна его обнаружится. Затихла и эта тревога. Вздохнувъ тяжело, перешелъ онъ улицу, мелькнулъ какъ тѣнь, и опять скрылся подъ заборомъ. Дома черезъ три онъ снова остановился: у него захватило духъ. Перекрестившись мысленно нѣсколько разъ, потому-что руки были несвободны, онъ подался впередъ, подошелъ къ

крылечку, надъ коимъ, по неизмѣнному однообразному обычаю того города, былъ небольшой навѣсъ съ узорочнымъ деревяннымъ подзоромъ — распустилъ плащъ, высвободилъ руку, перекрестился, вступилъ тише тѣни на крылечко и наклонился...

Семеро старшенькихъ ребятишекъ Анны Алексѣевны, какъ я сказалъ, храпѣли и сопѣли по угламъ и по ворохамъ, гдѣ кто свалился и свернулся; восьмой, то—есть одинъ оставшійся изъ двойней, лежалъ молча у матери, подлѣ опустѣвшаго гнѣздышка своего братца, ушедшаго такъ рано въ гости или въ чужіе люди. Все было тихо, теплилась лампада въ синемъ шкальчикѣ подъ образами, да ребятишки повременамъ бредили несвязно, или постукивали въ безпокойномъ снѣ, то локтемъ, то лбомъ, то затылкомъ въ полъ, да иногда слышались стоны, охи и вздохи роженицы. Среди тишины этой раздались шаги въ сѣняхъ — Анна Алексѣевна перекрестилась; слава Богу, одного сбыли... Семень Ивановичъ вошелъ, крѣпко

запыхавшись, но она не могла еще видѣть его изъ-за ширмъ.

— Ну что, благополучно? Съ Богомъ, бери другаго...

— Ахъ, Анна Алексѣевна, ахъ!.. проговориль онъ и остановился, не досказавъ ничего.

— Бери, Семень Иванычъ, бери скорѣе и другаго, ужъ заодно, не миновать — неси. Что мы съ нимъ тутъ дѣлать станемъ?.. Твой вѣдь, бери, бери...

Вмѣсто отвѣта Семень Ивановичъ вошелъ къ ней за ширму — съ двойною ношею противъ той, съ которою вышелъ изъ дома, подъ обѣими мышками, и молча положиль передъ роженицей, вмѣсто одного, двухъ новорожденныхъ. Онъ былъ въ такомъ страхѣ, въ такомъ испугѣ, что весь дрожалъ; зубы стучали у него, какъ въ лихорадочномъ ознобѣ, глаза безтолково мигали; онъ подергиваль туда и сюда губами пепельнаго цвѣта, будто собираясь говорить, но не доискивался словъ. Затѣмъ сталь онъ судорожно перебирать пуговицы вицмундиришка своего (сюртука у него въ

заводѣ не бывало) и, оторвавъ одну, висѣвшую на вершковой ниткѣ, сталь ее внимательно разсматривать.

— Господи! да что это? проговорила испуганная на—смерть Анна Алексѣевна.

— Богъ знаетъ, и самъ не знаю что такое, отвѣчалъ онъ, заикаясь.

Роженица съ трудомъ приподнялась и, ощулавъ торопливо тотъ и другой свертокъ, убѣдилась, что Семень Ивановичъ безъ всякихъ шутокъ, подлога или обмана, принесъ домой двоихъ младенцевъ: того самага, котораго понесъ—было въ люди, и еще дружку ему. Первый былъ обернуть все въ тѣ же лохмотья, въ какихъ его унесли, второй — въ порядочномъ одѣялѣ, какаго у Анны Алексѣевны никогда еще не бывало въ домѣ. Последній начиналъ кряхтѣть и пищать.

— Что это? какъ это съ тобою случилось? да говори!

— И самъ не знаю, видитъ Богъ, не знаю; такъ вотъ вдругъ...

Посторонній слушатель могъ бы заключить изъ безтолковыхъ отвѣтовъ

Семена Ивановича, что и въ самомъ дѣлѣ ему самому, то—есть самолично Богъ послалъ милость или благословеніе это, по примѣру того, какъ случилось тоже съ Анной Алексѣевной. Но дѣло исподволь объяснилось иначе. Лишь только онъ наклонился, бережно опуская кровную ношу свою на деревянное крылечко откупщика, какъ этотъ самъ, собираясь куда—то со двора, вышелъ изъ калитки; онъ остановился, взглянулъ на незваного гостя, кинулся на него и, ухвативъ за воротъ подозрительнаго посѣтителя, закричалъ о помощи во дворъ, откуда тотчасъ выбѣжало еще два человѣка. «Кто тутъ?» спросилъ онъ «что дѣлаешь?»

Семень Ивановичъ, растопыривъ, по обычаю своему, всѣ десять пальцевъ, съ большой натугой прошепталъ: «Я ничего—съ». — «Какъ ничего?» продолжалъ хозяинъ, оглядываясь зорко въ потьмахъ: «у тебя было что—то въ рукахъ. Гдѣ укралъ, куда дѣвалъ?» Семень Ивановичъ начиналъ вздрагивать всѣмъ тѣломъ, а хозяинъ, отыскавъ и разсмотрѣвъ

свертокъ, закричалъ: «Что это? Э, братъ! да это вотъ что? не нашель, что ли, другаго мѣста, куда щенятъ своихъ закидывать — а? Сейчасъ забирай ихъ, да съ глазъ долой, не то я тебя...» и замахалъ надъ нимъ тростью.

Семень Ивановичъ поспѣшно кинулся впередъ, наклонился и, поднявъ своего несчастнаго ребенка, хотѣль—было бѣжать безъ оглядки, но хозяинъ, поднявъ надъ нимъ грозно палку, закричалъ: «Обоихъ, обоихъ!»

Никакая божба, ни клятвы испуганнаго на—смерть Семена Ивановича не могли убѣдить озлобленнаго хозяина, что бѣднякъ нашъ принесъ одного только, а не двоихъ; никакое: «помилуйте» не могло разжалобить жестокосердаго; пойманный съ поличнымъ, Семень Ивановичъ ничѣмъ не могъ отдѣлаться; трость надъ нимъ извивалась и хотѣли, сверхъ—того, отправить его и съ щенятами, въ полицію, чтобъ отдать подъ судъ.

Почти утративъ всякое сознание и память, бѣдный Семень Ивановичъ

долженъ былъ подобрать и другаго ребенка, Богъ—вѣсть кѣмъ и откуда незадолго до него подкинутаго, и нести обоихъ безъ оглядки домой. Его напутствовали брань и угрозы барина съ камышевою тростью.

— Божья воля, Анна Алексѣевна, закончилъ онъ: — власть ваша, а все Божья воля...

Самъ въ изнеможеніи опустился на облупленное ветхое кресло, закрылъ лицо обѣими руками и поставилъ оба локтя на столъ, потомъ прошепталъ: «все за грѣхи наши, все по грѣхамъ.»

Нѣсколько минутъ длилось мертвое молчаніе. Бѣднякъ ничего не видѣлъ и не слышалъ, а тупо корпѣлъ надъ безвыходнымъ положеніемъ своимъ. Онъ вдругъ опомнился и пробудился отъ раздавшихся около него шаговъ. Несмотря на забытье свое, онъ въ то же мгновеніе сообразилъ, что ходить тутъ было некому и быстро выпрямился, открывъ глаза: Анна Алексѣевна была на ногахъ и въ заботахъ около трехъ, рядомъ положенныхъ младенцевъ. Онъ вскочилъ съ кресла и, въ

страхъ, сталь ее уговаривать улечься и успокоиться, приговаривая: «Помилуйте—сь, нехорошо, ей—ей нехорошо». Но она молчала, а рѣшительные пріемы ея вскорѣ убѣдили его, что онъ можетъ отложить благонамѣренные совѣты и увѣщанія свои до другаго раза. Ихъ, казалось, никто и не слышалъ, не только не слушалъ. А когда Анна Алексѣевна приходила въ такое расположеніе, то слѣдовало оставлять ее въ покоѣ — это онъ зналъ. Забывъ всѣ страданія и самое положеніе свое, она, съ какою—то отчаянною рѣшимостью, осмотрѣла, едва—ли не въ первый разъ, двойней своихъ, отъ которыхъ доселѣ отворачивалась въ негодованіи, и съ тѣмъ же материнскимъ участіемъ и заботливостью развернула и перепеленала третьяго младенца; потомъ уложила ихъ опять, приготовила имъ соски изъ жованаго хлѣбца, и тогда только опять спокойно улеглась. Взглянувъ на изумленнаго до степени своей бессмысленной улыбки мужа, который стоялъ, сложивъ руки и скрестивъ пальцы, слѣдя мутными глазами, тупымъ и

тревожнымъ взглядомъ за всѣми движеніями жены, Анна Алексѣевна сказала рѣшительно:

— Перекрестись, да ложись съ Богомъ; ты правъ; отъ Божьяго гнѣва да отъ Божьей милости не уйдешь. Ложись, говорю тебѣ, отдохни. Станемъ сами кормить и тройней.

Не соображая впередъ ничего, какъ это вообще было не въ природѣ Семена Ивановича, онъ, однакожь, видимо успокоился и просвѣтлѣлъ въ лицѣ отъ такого неожиданнаго спокойствія своей супруги. Отвѣчать на это было нечего, развѣ только: «ну, слава Богу, слава Богу»; жерновъ отвалилъ у него отъ сердца. Образумившись, онъ спросилъ еще: «не надо ли приготовить на ночь, или принести того—другаго?» помолился и легъ. Домовой принялся было душить его, послѣ этой коротенькой отрады, отчаянною думкою на счетъ способа прокормленія семьи, но онъ откашлялся и заснулъ въ изнеможеніи, бормоча про себя: «Богъ милостивъ; съ голоду пропасть нельзя, никакъ нельзя: Богъ милостивъ».

На другой же день вѣсть о тройняхъ разнеслась по всему городу, съ разными обстановками, прикрасами и дополненіями; но сущность оставалась неискаженною: «У Семена Иваныча тройни.» — «Совсѣмъ не то: Семень Иванычъ завель у себя воспитательный домъ.» — «И это не то: Богъ благословиль Анну Алексѣвну двойнями, а Семену Иванычу показалось мало, онъ и добыль третьяго», и проч. Новость эта заняла весь городъ; отъ-нечего-дѣлать, всѣ приняли самое живое участіе въ судьбѣ бѣднаго счетнаго чиновника и двѣ недѣли къ-ряду люди не встрѣчались и не здоровались иначе въ городкѣ этомъ, какъ вопросомъ: «А послали вы что-нибудь на зубокъ тройнямъ нашимъ?»

Этого мало: черезъ недѣлю Семену Ивановичу подкинули — не бойтесь, не ребенка, а записочку, съ приложеніемъ ста рублей и съ обѣщаніемъ, присылать ежегодно по стольку же, доколѣ принятый имъ младенецъ будетъ живъ, потому-что былъ предназначенъ зажиточному

человѣку, а не бѣдняку, которому и самому ѣсть нечего. У Семена Ивановича задрожали руки и пепельнаго цвѣта губы и лицо дурацкимъ порядкомъ перекосилось; потомъ слезы брызнули и покатались покатомъ по щекамъ. Онъ, родясь, не держалъ въ рукахъ своихъ ста рублей, хотъ и пересыпалъ сотни тысячъ, какъ горохъ, на счетахъ. Но вотъ что важно: одинъ изъ сослуживцевъ, а за нимъ и двое сторожей, прибѣжали поздравить его съ полученіемъ штатнаго мѣста. И этимъ онъ обязанъ былъ тройнямъ: обративъ по сему поводу вниманіе на безотвѣтнаго и безсловеснаго Семена Ивановича, начальникъ сжалился надъ нимъ и повысилъ его — по понятіямъ самого Семена Ивановича — чуть не въ министры. Семень Ивановичъ, когда ходилъ благодарить за милость эту, воспользовался благосклонностью начальника и испросилъ заблаговременно позволеніе опредѣлить тройней своихъ, когда подростутъ дастъ Богъ, прибавилъ онъ, писцами въ то же мѣсто, гдѣ самъ онъ служилъ. Это его окончательно успокоило.

Вамъ грустно стало, по прочтеніи первой половины этого разсказа — не правда ли? А мнѣ едва-ли не грустнѣе стало теперь, когда для полноты и правдивости, долженъ прибавить еще нѣсколько словъ. Вамъ бы хотѣлось видѣть теперь картину довольства и порядка въ домѣ и хозяйствѣ Семена Ивановича послѣ столькихъ лѣтъ горя, нужды и голода? Да; и я бы далъ за это дорого. Но этого не было и быть не могло. Не голодали, а жили, впрочемъ, въ такомъ же свинствѣ и грязи, а хозяйничали безтолковѣе прежняго. Семень Ивановичъ напередъ всего позаботился о платкахъ и шляпкахъ и другихъ тряпкахъ для Анны Алексѣевны; она же, съ своей стороны, ничего не умѣла сдѣлать на пользу хозяйства и огромной семьи своей, какъ отсчитывать мелкія деньги да посылать разъ по десяти на день одного изъ дѣтей своихъ въ лавочку.
